

Брюс Портер

УЧАСТИЕ СССР В КОНФЛИКТАХ ТРЕТЬЕГО МИРА*

„Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя”.

К.Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии.

В 1945-1980 гг. в мире произошло более ста войн, подавляющее большинство которых велось между развивающимися странами.¹ В двадцати с лишним этих конфликтах Советский Союз действовал как главный поставщик оружия и дипломатический участник. Эти данные могут создать впечатление, что СССР чаще уклоняется от участия в локальных войнах, но причастность к двадцати с лишним конфликтам из ста — необычайно высокий уровень международных обязательств для страны, которая до второй мировой войны лишь изредка выступала в роли ведущего поставщика оружия или основного дипломати-

* Bruce D. Porter, *The USSR in Third World Conflicts (Soviet arms and diplomacy in local wars 1945-1980)*, Cambridge University Press, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney. pp. 5-35.

ческого участника за пределами Европы. Более того, в эпоху царизма и в первые два десятилетия советской власти Россия, как правило, избегала какого бы то ни было участия в конфликтах, если они происходили не в непосредственной близости от ее границ, а после 1945 г. большинство конфликтов, в которых СССР играл ощутимую роль, приходится на районы Азии, Африки и Ближнего Востока, не прилегающие непосредственно к советской территории.

По крайней мере, три фактора способствовали увеличению военной и дипломатической роли СССР в локальных конфликтах после 1945 г. Первым и наиболее очевидным следует считать необычайный рост советской военной мощи в результате войны с нацистской Германией. Огромные арсеналы, перегруженные оружием, многочисленные и хорошо обученные армейские соединения и (через четыре года после окончания войны) обладание ядерным оружием — все это позволило СССР после 1945 г. играть более значительную роль в мировой политике, чем было возможно ранее. Вторым — оказалась стремительная деколонизация Азии, Африки и Ближнего Востока, которая после второй мировой войны создала политический вакуум в странах „третьего мира”. Выход из состава прежних европейских колониальных империй дал жизнь целому ряду новых государств, нищета и военная слабость которых открыла для СССР многочисленные возможности добиваться утверждения своего влияния в регионах, ранее для него недоступных и, таким образом, установить отношения типа поставщик-клиент с правительствами, которые до войны просто не существовали. И третий фактор: увеличение ядерных арсеналов Соединенных Штатов и Советского Союза и все углубляющиеся обязательства США защищать Западную Европу вскоре привели к резкому охлаждению отношений между Востоком и Западом и фиксации статус-кво на европейском континенте. В связи с этим советские амбиции должны были искать для себя выхода в других направлениях, и именно третий мир, в силу своей нестабильности, стал гораздо более заманчивой целью для этих амбиций, чем Европа.

Вовлеченность СССР в локальные конфликты третьего мира можно разделить, условно, на четыре периода, обозначенные в следующей таблице:

I ПЕРИОД (1945-1953 гг.)

Гражданская война в Китае (1945-1949 гг.)
Корейская война (1950-1953 гг.)

II ПЕРИОД (1953-1964 гг.)

Суэцкая война (1956 г.)
Индонезийские конфликты (1958-1965 гг.)
Кризис и гражданская война в Конго (1960-1964 гг.)
Гражданская война в Лаосе (1960-1961 гг.)
Конфликт между Алжиром и Марокко (1963 г.)
Гражданская война в Йемене (поставки оружия через Египет (1962-1964 гг.)

III ПЕРИОД (1965-1972 гг.)

Гражданская война в Йемене. (Прямое участие СССР) (1965-1969 гг.)
Вьетнамская война. (в ходе парижских мирных переговоров) (1965-1972 гг.)
Гражданская война в Нигерии (1967-1970 гг.)
Арабо-израильская (Шестидневная) война (1967 г.)
Арабо-израильская война на истощение (1969-1970 гг.)
Индо-пакистанская война (1971 г.)

IV ПЕРИОД (1973-1980 гг.)

Арабо-израильская война Судного дня (1973 г.)
Вьетнамская война до падения Сайгона (1973-1975 гг.)
Гражданская война в Анголе (1975-1976 гг.)
Война в Огадене (1977-1978 гг.)
Конфликт Вьетнама и Кампучии (1978-1979 гг.)
Конфликт Китая с Вьетнамом (1979 г.)
Конфликт Южного Йемена с Йеменом (1979 г.)
Гражданская война в Афганистане (1978-)

Каждый последующий период свидетельствует о расширении либо масштабов военной помощи, либо географического значения тех стран третьего мира, которым СССР оказывал военную помощь в локальных конфликтах. Мы рассмотрим поочередно все четыре периода, чтобы представить исторический фон изучаемой проблемы. Однако, прежде всего, следует проанализировать поведение СССР в локальных конфликтах и его роль поставщика оружия до второй мировой войны.

В период между двумя мировыми войнами СССР был слаб в военном отношении и обладал чрезвычайно ограниченной возможностью экспорта оружия или военной силы за пределами своих границ; поэтому участие СССР в международных конфликтах было минимальным.

Несколько конфликтов, в которых СССР принимал участие, не имели отношения к третьему миру, так как большинства современных развивающихся независимых государств до второй мировой войны просто не существовало. Тем не менее, это время было важным формирующим периодом, который, видимо, повлиял на советскую внешнюю политику после 1945 г.

РЕВОЛЮЦИЯ И ОТСТУПЛЕНИЕ (1917-1941)

Большевистская революция зародилась в вооруженном восстании и укрепилась с помощью военной силы. Красная Армия в первые годы советской власти разгромила три армии белых; вторглась на Украину, в Белоруссию, Азербайджан, Армению и Грузию и оккупировала эти страны; с помощью Красной армии советское руководство добилось контроля над мусульманскими территориями бывшей Российской империи, а также вновь захватило области Дальнего Востока и установило марионеточные режимы во внутренней Монголии, Тану-Туве и Северном Иране; но попытка вторжения в Польшу для установления красного режима в Варшаве оказалась безуспешной. К ноябрю 1922 г., спустя пять лет после революции, советская власть была установлена на большей части территории бывшей Российской империи — это было блестящим достижением по любым меркам. Целый ряд факторов способствовал победе большеви-

ков: пропаганда; лучшая, чем у белых, организация, изошренное политическое и дипломатическое маневрирование; некомпетентность и разобщенность белых. Но советская власть при своем утверждении полагалась на грубую военную силу больше, чем на что бы то ни было. Без Красной армии революция была бы обречена на провал. Этот урок был глубоко усвоен советскими лидерами, и это сыграло огромную роль в формировании их отношения к использованию военной силы.

Поддержке иностранных революционных движений и подрывной деятельности была отведена центральная роль в советской внешней политике тех лет.

Коммунистические восстания, вспыхнувшие в Европе вскоре после русской революции, были слишком слабы и кратковременны для того, чтобы считать их „местными конфликтами“, изучаемыми в данной работе. Тем не менее поддержка, оказанная им Москвой, может служить индикатором преданности нового советского руководства революционным идеям и его интернационалистских амбиций. Усилия большевиков по разжиганию революций за рубежом ограничивались, большей частью, пропагандой, риторической поддержкой, подбадриванием зарубежных компартий и отправкой в Европу и в Азию таких агентов как Карл Радек, Евгений Левин и М. Н. Рой со специальными заданиями по углублению революционных ситуаций. Однако одновременно прилагались и некоторые усилия военного характера. Поставки оружия начались спустя несколько месяцев после революции. Небольшие партии стрелкового оружия и боеприпасов были переправлены в Финляндию для поддержки неудавшегося тогда коммунистического восстания. Более явная попытка военной поддержки была сделана после провозглашения Венгерской советской республики во главе с Белой Куном в марте 1919 г. Главнокомандующий Красной Армией в Москве отдал приказ о переправке нескольких воинских частей в Восточную Галицию и Буковину для установления прямых контактов с Куном. Однако прежде чем этот план смог осуществиться, эти армейские силы были переброшены на Уральский фронт для отражения начавшегося там наступления белых. В 1919-1924 гг. Кремль несколько раз оказывал поддержку коммунистическим и рабочим восстаниям — восста-

нию спартаковцев в Берлине в начале 1919 г., во время провозглашения Баварской советской республики в Мюнхене в марте 1919 г., во время мартовских событий 1921 г. в Северной Германии, восстанию в Германии осенью 1923 г., революционной попытке компартии Болгарии в сентябре 1923 г. и однодневному мятежу в Эстонии в декабре 1924 г. Однако Москва не имела возможности оказать существенную военную поддержку ни одному из этих движений, и они быстро захлебнулись.

Из-за провала коммунистических восстаний в Европе большевистские лидеры в преследовании революционных целей обратили взоры на Восток. Незадолго до Октябрьской революции Ленин опубликовал свою работу „Империализм, как высшая стадия капитализма“. В ней Ленин утверждал, что процесс, в результате которого крупные монополии стали доминировать в капиталистической экономической системе, неизбежно принуждает западные промышленные страны к империалистическому захвату иностранных колоний в поисках новых объектов капиталовложений и получения прибылей. Империализм, таким образом, по Ленину, временно оттягивает неизбежный крах капиталистического способа производства. Без эксплуатации колоний, утверждает Ленин, капитализм давным-давно прекратил бы существование. Летом 1920 г., после разгрома Спартаковского восстания и Баварской советской республики, Ленин вернулся к концепциям, развиваемым им в работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“. Признав бесплодность попыток покончить с капитализмом с помощью фронтальной атаки, советский лидер выработал стратегию ослабления империалистических держав ударами по ним с тыла — поддерживая и поощряя революционные движения в их колониальных империях.

Ленин сформулировал эту стратегию в своих набросках тезисов по национальным и колониальным вопросам, подготовленным ко II Конгрессу Коминтерна. В докладе на этом Конгрессе в июле 1920 г. Ленин предлагал советскому руководству проводить политику теснейших связей между советской Россией и всеми национально-освободительными движениями колоний и угнетенных народностей.² Этот союз должен был стать предпосылкой свержения капитализма:

„Объединение революционных пролетариев капиталистических, передовых стран с революционными массами тех стран, где пролетариата почти нет, с угнетенными массами колониальных, восточных стран, это объединение на настоящем конгрессе происходит... Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны... соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории...”³

„Не подлежит ни малейшему сомнению, — писал Ленин, — что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим”. Но он настаивал, чтобы коммунисты поддерживали подобные движения до тех пор, пока они остаются „действительно революционными”. Он уточнил, что союз с буржуазными освободительными движениями в колониальных и развивающихся странах будет лишь временной уловкой и подчеркивал, что истинно пролетарские партии в этих странах, какими бы малочисленными они ни были, не должны, на самом деле, сливаться с буржуазными националистическими движениями, но лишь временно сотрудничать с ними, не прекращая при этом усилий по ослаблению этих движений в будущем.⁴ Точка зрения Ленина взяла верх над сильной оппозицией делегатов Конгресса. В течение нескольких последующих лет советский режим и Коминтерн придерживались политики поддержки национальных революционных движений, поощряя местные компартии, где таковые существовали, сотрудничать с ними в рамках объединенного фронта.

Одним из последствий политики сотрудничества с местными националистами, было изменение советского политического курса по отношению к Турции. Москва стала рассматривать возможности примирения с националистическим движением Мустафы Кемаль-паши, понимая, что недавно созданная слабая коммунистическая партия Турции не имеет никаких перспектив получить народную поддержку. Кемаль в то время вел бои с греческой армией, пытавшейся оккупировать Анатолию в соответствии с Севрским договором. Советское руководство, очевидно, сочло, что победа Кемаля подрвала бы влияние Велико-

британии и других западных держав на Ближнем Востоке, что отвечало интересам безопасности советского государства и могло способствовать усилению революционной борьбы в Европе.⁵ После сложных переговоров, 16 марта 1921 г. в Анкаре советское правительство подписало договор о дружбе с националистическим режимом Кемаль-паши. В течение последующих пятнадцати месяцев Кремль снабдил армию Кемаля военным снаряжением, достаточным для экипировки трех дивизий. Кроме того, Москва значительно увеличила кредиты для закупки Турцией военного снаряжения. Не став решающим фактором, советская помощь все же способствовала победе Кемаля над греческими силами осенью 1922 г. Этот эпизод может считаться первым историческим примером советской военной помощи иностранному режиму, ведущему войну.

Другой пример советского дипломатического и военного участия в региональных конфликтах в ранний период советской истории имел место в 1923-1927 гг., когда Москва оказывала помощь гоминьдану — базирующейся в Кантоне Национально-Революционной партии д-ра Сун Ятсена, ведущего борьбу за объединение под его руководством переживавшего раскол Китая. Это было первое серьезное испытание ленинской стратегии объединенного фронта и оно закончилось полным провалом.

Это была одна из самых сложных операций за всю историю советской дипломатии: поддерживая дипломатические отношения с весьма слабым правительством „Китайской Республики” в Пекине, Москва установила отношения с гоминьданом и рядом военных феодалов, контролирующих различные районы Китая; кроме того, был усилен и без того значительный контроль над малочисленной коммунистической партией Китая, которая после 1922 г. образовала единый фронт с гоминьданом. Гоминьдано-коммунистический фронт, созданный, главным образом, усилиями советского дипломата Адольфа Иоффе, стал для Кремля каналом, с помощью которого он в течение нескольких лет оказывал влияние на политику гоминьдана.

В январе 1923 г. Сун Ятсен и Иоффе подписали соглашение о политическом и военном сотрудничестве. В августе представитель националистов генерал Чан Кайши посетил Москву для обсуждения возможностей военной помощи гоминьдану со

стороны СССР. Во время этого визита агент Коминтерна Михаил Бородин, главный координатор советской политики в Китае вплоть до 1927 г., направился в Китай во главе делегации из нескольких военных советников — ветеранов гражданской войны и выпускников Военной Академии Красной Армии. Эти советские военные советники сыграли ведущую роль в создании, укомплектовании и финансировании военной академии Вампу близ Кантона, в которой обучались будущие китайские офицеры. В мае 1925 г. еще одна большая группа советских советников прибыла в Кантон для боевого обучения офицерского состава Национальной революционной армии (НРА). Советский Союз направил для НРА через Владивосток военное снаряжение, включая более 23 тыс. шт. стрелкового оружия и большую партию боеприпасов. Согласно советским источникам, стоимость оружия, поставленного в НРА к декабрю 1925 г., составила 2 млн. долларов. С расширением гражданской войны в Китае советские советники и, очевидно, несколько воинских подразделений, участвовали в боевых действиях частей НРА. В первые месяцы чрезвычайно успешной северной экспедиции Чан Кайши СССР снабжал подразделения его армии коротковолновой радиоаппаратурой, а советская авиация время от времени осуществляла тактические бомбардировки, разведку и доставку грузов. В то время в Китае находилось, возможно, более 1 тыс. советских советников.

По иронии истории, намерение Сталина, лелеявшего надежду, что китайские коммунисты, прежде чем порвать с гоминьданом, выжмут его как лимон, осуществилось, так сказать, наизнанку. Соперничество между коммунистами и националистами внутри объединенного фронта постоянно усиливалось, возникали напряженные ситуации и инциденты, которые привели к расколу гоминьдана и, впоследствии, в апреле 1927 г. коммунисты в Шанхае были истреблены их союзниками-националистами. Шанхайская резня привела к полному разрыву СССР с националистами, что было по существу провалом советских попыток проникновения в Китай. Хотя попытка Кремля сотрудничать с китайскими националистами закончилась провалом, ее, без сомнения, можно рассматривать, как зачаток советского подхода к местным конфликтам и использования военной помощи другим государствам в политических целях. В результате

этого опыта кремлевское руководство осознало риск слишком тесной связи внешнеполитических целей СССР с судьбами местных компартий; кроме того, шанхайская резня подчеркнула важность правильной оценки баланса сил и местной политической ситуации с помощью сбора разведывательной информации и анализа. Наконец, китайский провал, возможно, объясняет осторожность и опаску, с которой СССР относился к участию в локальных конфликтах в течение последующих сорока лет.

Шанхайская резня означала конец, по крайней мере до поры до времени, стратегии объединенного фронта с националистическими движениями, сформулированной Лениным за семь лет до этого события. После 1927 г. национальную буржуазию перестали считать важным инструментом распространения революционных идей в колониальном мире. Серьезные попытки разжигания революции за рубежом, по существу, прекратились в 30-х годах. СССР стал сосредотачиваться на внутренних проблемах по теории „построения социализма в одной стране“. Предотвращение прямых угроз национальной безопасности СССР стало преобладающим аспектом внешней политики Москвы. Оккупация Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г. и приход Гитлера к власти в Германии в январе 1933 г. поставил Советский Союз перед перспективой иметь дело с растущими враждебными силами на двух фронтах. Под угрозой войны на двух фронтах, возможность которой постоянно возрастала в течение десятилетия, Коминтерн сосредоточился на создании *МЕЖДУНАРОДНО-ГО* объединенного фронта против потенциальных врагов Советского Союза. Советское участие в локальных конфликтах в 30-х годах следует рассматривать в качестве одного из аспектов политического курса, направленного, главным образом, на предотвращение или оттягивание угрожающего вспыхнуть пожара, а не на дальнейшие революционные завоевания, которые, возможно, были целью советской внешней политики в предшествовавшее десятилетие.

В 1931-1943 гг. СССР оказывал значительную военную помощь правителям в Синьцзяне Шен Шудженю (1931-1933 гг.) и генералу Шен Шицаю (1933-1943 гг.), вовлеченным в мелкие конфликты с другими военными феодалами:

„Генерал Шен обратился к СССР за прямой военной помощью против других китайских военных феодалов. В 1934 г. в помощь генералу Шену были направлены две бригады НКВД и авиационная часть. В 1937 г. Шен вновь обратился за помощью к СССР и вновь ему были посланы воинские подразделения и воздушное прикрытие... Кроме того, было поставлено обмундирование для десяти тысячной Синьцзянской армии, в Урумчи был построен советский сборочный авиационный завод и в 1938-1939 гг. несколько сот советских летчиков вели обучение в секретной летной школе в Кульдже”.⁷

Предлагая помощь синьцзянским военным феодалам, СССР обеспечил себе значительное военное присутствие в районе, который имел бы важное стратегическое значение в случае войны с Японией. В 1932 г. Москва восстановила отношения с гоминьданом, находящимся у власти в Пекине. К лету 1937 г. китайско-японский конфликт превратился в настоящую войну: в августе СССР заключил пакт о ненападении с националистическим правительством Китая. По условиям этого соглашения, СССР, очевидно, обязывался поставлять вооружение и военное снаряжение в обмен на сырье.

Крупные военные поставки последовали через Синьцзян в Ланьчжоу на северо-западе Китая; полный объем этих поставок неизвестен, но они включали сотни военных самолетов, тысячи пулеметов и большое число артиллерийских установок и грузовиков. Согласно некоторым источникам, Советский Союз в то время экипировал от 10 до 20 китайских дивизий. Эскадрилья советских бомбардировщиков и истребителей, управляемая, как утверждалось, советскими пилотами-добровольцами, участвовала в военных действиях на стороне китайских националистов в декабре 1937 г. Большое число военных самолетов, присланных СССР националистам, было собрано на заводе в Урумчи.

В 1935-1939 гг. из-за ряда пограничных инцидентов возникла угроза советско-японской войны. Произошли два крупных конфликта — на озере Хасан летом 1938 г. и в районе Халхин-Гола с мая по сентябрь 1939 г., в которых приняли участие до 50 тыс.

военнослужащих и крупные авиационные соединения. В каждом случае военные столкновения не принесли победу ни одной из сторон, и существовавший прежде статус-кво был восстановлен, но эти конфликты свидетельствовали о вероятности войны между Москвой и Токио. В этом контексте советская помощь националистическим силам в Китае стала составной частью оборонной политики СССР, наподобие помощи, которую оказывали Советскому Союзу Соединенные Штаты и Великобритания по ленд-лизу.

Такой стратегический подход к проблеме национальной безопасности определил решение Сталина принять участие в гражданской войне в Испании в 1936-1939 гг. Как писал Адам Улам, „советское правительство меньше всего думало о том, чтобы превратить Испанию в своего сателлита”,⁸ поскольку в то время СССР пытался завоевать доверие Великобритании и Франции и сотрудничать с ними в целях создания антифашистской коалиции. Испанские коммунисты получили указание всячески поддерживать единый фронт с республиканцами. Москва делала все возможное, чтобы сохранять в тайне свое участие в гражданской войне в Испании. В составе сорокатысячных Интернациональных бригад, созданных Коминтерном из добровольцев многих стран мира, не было советских граждан. Однако более 2 тыс. советских военных советников и технических специалистов находились в Испании, и советское правительство постоянно поставляло республиканцам военное оборудование. Республиканскому правительству был предоставлен кредит на 85 млн. долларов. Советские, испанские и другие торговые суда доставляли большие партии военного снаряжения в Испанию. В ходе войны франкистские силы потопили или захватили несколько советских судов, при этом имелись человеческие жертвы. Германский военный атташе, наблюдавший за советскими военными поставками в Испанию, привел такие данные о них:

„... 164 судна доставили 242 военных самолета, 703 артиллерийских орудия, 27 зениток, 731 танк, 1386 грузовиков, 69 200 т. других военных грузов, 29 125 т. боеприпасов, а также 28 049 т. бензина, 100 автоматов, 500 гаубиц, 187 тракторов, 325 т. медицинского оборудования и медикаментов, 27 278 т. нефти-сырца, 5650 т. смазочных материалов, 450 т. одежды и 920 офицеров и солдат”.⁹

Западные историки Хью Томас и Луис Фишер считают, что в этих выкладках германского атташе истинные размеры советских поставок в Испанию занижены.¹⁰

Постепенно решимость Сталина воспрепятствовать победе фашизма в Испании слабела: к тому же, сложная задача постоянных поставок на дальние расстояния была не под силу СССР. Как только советское руководство пришло к выводу, что Лондон, Париж и Вашингтон не заинтересованы в союзе с СССР против нацистской Германии, Сталин стал рассматривать возможность сговора с Германией. Впоследствии был заключен пакт Молотова–Риббентропа о ненападении, подписанный в августе 1939 г. Европа оказалась в преддверии пожара.

Таким образом, в период от Октябрьской революции и до второй мировой войны СССР выступал в роли основного поставщика оружия в трех конфликтах — в борьбе гоминьдановских националистов, в китайско-японской войне и в гражданской войне в Испании, а также предпринял несколько менее значительных попыток оказать влияние на исход локальных споров в районах, традиционно представлявших интерес для России. Эта тенденция продолжалась в течение нескольких лет после второй мировой войны. Лишь с середины 50-х годов СССР начинает предпринимать серьезные усилия по расширению влияния в странах третьего мира за пределами традиционных интересов России, и лишь вслед за этим экспорт вооружений становится основным инструментом советской внешней политики. Тем не менее, в межвоенные годы Кремль получил важный практический урок, касающийся природы локальных конфликтов, лимитов и возможностей военной помощи, и тыловых задач, связанных с транспортировкой оружия и военной помощи в отдаленные от СССР районы.

I ПЕРИОД: Период „двух лагерей” (1945-1953 гг.)

Первый период послевоенного советского участия в конфликтах третьего мира приходится на последние 8 лет правления Сталина. В этот период участие СССР в локальных конфликтах сводилось к поддержке коммунистических режимов, зависи-

мых от Советского Союза. Даже рутинные советские поставки оружия производились почти исключительно коммунистическим режимам и движениям в Европе и Азии. На XIX съезде Коммунистической партии СССР и Сталин и его ближайший сотрудник Георгий Маленков сформулировали тезис о разделении мира на два основных лагеря — империалистический и социалистический. Новые независимые нации рассматривались как пешки бывших колониальных держав, а их буржуазные лидеры — как основные враги национально-освободительных движений, не заслуживающие поддержки СССР.¹¹ Эта точка зрения значительно ограничила масштабы советских внешнеполитических усилий и была главной причиной вялости заигрываний Москвы с некоммунистическими режимами.

Следует отметить одно исключение из общего внешнеполитического курса СССР в 1945-1953 гг. на снабжение оружием лишь своих коммунистических клиентов: в 1947 г., очевидно, с одобрения Москвы, Чехословакия предоставила в распоряжение Хаганы* в Эрец Израиль военное снаряжение — тысячи шт. стрелкового оружия, боеприпасы и несколько истребителей „Мессершмидт”. Советское руководство, видимо, считало, что поддержка еврейского освободительного движения поможет ослабить позиции Великобритании на Ближнем Востоке. Позднее, при Хрущеве, в Кремле утвердилась точка зрения, что растущий арабский национализм может гораздо лучше служить укреплению советского влияния в этом регионе.

Первым примером советского участия в послевоенном конфликте стал Китай. После непрочного перемирия, существовавшего во время войны с Японией, гражданская война между националистами и коммунистами возобновилась в небывалых прежде масштабах. Как и следовало ожидать, Советский Союз предложил военную помощь Мао Цзедуну, в то время как США в широких масштабах поставляли оружие и — не менее интенсивно — не лучшие советы для Чан Кайши. Однако обе державы оказались неподготовленными к быстрой и полной победе, которую китайские коммунисты одержали на материковой

* Отряды обороны еврейского населения Палестины, действовавшие до образования государства Израиль в 1948 г.

территории страны к концу 1949 г. Советское участие в гражданской войне в Китае было весьма осторожным и тайным и, скорее всего, не оно было решающим фактором в исходе войны. Советская армия при эвакуации из Маньчжурии передала китайским коммунистам большие запасы трофейного японского оружия, что позволило им занять выгодную стратегическую позицию на этой территории. Тем не менее, Москва продолжала признавать националистическое правительство Китая даже спустя несколько месяцев после того как неизбежность его поражения стала очевидной и иными способами продемонстрировала нежелание активно поддерживать Мао Цзедуну.¹² Причины этой осторожности Сталина не совсем понятны.

Победа китайских коммунистов и успешное укрепление советской гегемонии в Восточной Европе, без сомнения, были для Сталина и его коллег стимулом к пересмотру внешней политики, как и первый советский испытательный ядерный взрыв в августе 1949 г. Эти события изменили прежние представления советского руководства о слабости СССР по сравнению с США и положили начало более активному внешнеполитическому курсу на поддержку революционных движений за пределами СССР. Коммунистические восстания в различных районах Азии после победы коммунистов в Китае охватили эту часть света на юг от Маньчжурии. Началась борьба в Индокитае; в 1947-1948 гг. были попытки восстаний в Индонезии, на Филиппинах, в Малайзии и в нескольких районах Индии. Заряд уверенности, который победа Мао придала мировому коммунистическому движению, возможно, стал основным фактором решения Сталина поддержать нападение Северной Кореи на Корейскую Республику в конце июня 1950 г. Публично объявленные государственным секретарем Ачесоном мировые оборонительные рубежи США не включали Корею. Это почти наверняка было другим важнейшим фактором сталинского решения. Трудно поверить, что Кремль позволил бы Пхеньяну атаковать Южную Корею, если бы предполагал мощный военный ответ США.

Корейская война в гораздо большей степени, чем гражданская война в Китае была противостоянием Советского Союза и Соединенных Штатов. Разделение Кореи само по себе было

результатом борьбы между СССР и США за влияние в Азии сразу же после победы над Японией. Корейская война быстро переросла из локального конфликта по поводу того, кто будет править этой страной, в стратегическое соперничество сверхдержав. Вашингтон оказывал поддержку режиму Ли Сын Мана авиацией, военно-морскими силами, сотнями танков и воинскими частями, которые насчитывали более 200 тыс. военнослужащих. СССР предоставил армии Ким Ир Сена танки, военные самолеты и военных советников. После многократных предупреждений, что пересечение американскими войсками 38-й параллели встретит сопротивление, в ноябре в войну вступил Пекин, направив в Корею сотни тысяч военнослужащих. Спустя три года, и после гибели миллиона с лишним человек, было достигнуто перемирие, положившее конец войне и установившее в Корее статус-кво, более или менее аналогичный ее довоенной политической структуре. Корейская война ознаменовала начало интенсивной „холодной войны“ между СССР и США; быстрое и простое примирение стало невозможным. Американские оборонные расходы во время Корейской войны увеличились более чем в три раза и после ее окончания сократились не намного; численность вооруженных сил США в разгар корейской войны выросла с 1,46 млн. человек до 3,64 млн. человек. Советские вооруженные силы также значительно увеличились в ходе корейской войны, возможно, на 3 млн. человек. Корейский конфликт значительно ускорил укрепление НАТО и таким образом определил будущие отношения между США и СССР как длительный застой в Европе и ряд локальных войн в других районах мира, ради приобретения географического усиления политических преимуществ.

К 1953 г., после восьми лет протупываний и экспериментов победителей во второй мировой войне, в мире создался новый баланс сил. И Советский Союз, и Соединенные Штаты обладали ядерным оружием и огромными армиями. Советская экономика к тому времени достигла довоенного уровня, а во многих секторах превзошла его. Соединенные Штаты продемонстрировали решимость проводить политику „сдерживания“ коммунистической экспансии в любой части света, а СССР показал и намерение, и способность бросить вызов превосходству

США в районах, прилегающих к советским территориям, в особенности контролируемых местными коммунистическими режимами.

II ПЕРИОД: Поворот к третьему миру (1953-1964 гг.)

После смерти Сталина и десталинизации СССР внешняя политика Советского Союза существенно изменилась, включая новый подход к развивающимся странам. Советские лидеры осознали, что процесс деколонизации открыл огромные возможности для политических завоеваний, и предприняли несколько инициатив по обхаживанию ранее считавшихся реакционными „национал-буржуазных” лидеров на Ближнем Востоке и в Южной Азии. По существу, Советский Союз открыл для себя третий мир. Эта перемена в образе мыслей и внешней политике, которая наметилась в 1953-1956 гг., по существу была возрождением ленинской теории единого фронта националистов развивающихся стран с советским режимом, с его революционными анти-западными целями.

Обхаживание Москвой стран третьего мира в послесталинскую эру началось с малозаметного жеста: в июле 1953 г. представитель СССР в Экономическом и социальном совете ООН объявил, что СССР внесет 4 млн. рублей в программу технической помощи развивающимся странам. Это был поворот в многолетней советской оппозиции этой программе и сигнал о начале серьезных усилий СССР в третьем мире. В августе 1953 г. Маленков высказал благосклонность Индии и Бирме в докладе на сессии Верховного Совета; в сентябре 1953 г. был подписан пятилетний торговый договор с Индией; в 1954 г. Афганистан стал первой страной третьего мира, получившей после второй мировой войны кредиты от СССР; в феврале 1955 г. было объявлено о первом крупном проекте советской экономической помощи одной из наименее развитых стран мира — о строительстве в Бхилаи металлургического комбината в Индии, стоимостью свыше 100 млн. долларов; в июне 1955 г. премьер-министр Индии Неру нанес исторический визит в СССР. Спустя несколько месяцев последовала широко разрекламированная поездка Хрущева

и Булганина в Индию, Бирму и Афганистан. Ни один из этих маневров не был воспринят как начало соревнования между сверхдержавами и как угроза интересам США или Западной Европы. Для европейских держав оказалось неожиданным сообщение 17 сентября 1955 г. о подписании договора между националистическим режимом египетского лидера Насера и Чехословакией о поставках Египту вооружений на 250 млн. долларов: „По этому соглашению Каир получал истребители советского производства МИГ-15 и МИГ-17, бомбардировщики Ильюшин-28, средние и тяжелые танки, артиллерийские орудия, подводные лодки и торпедные катера, два эсминца и боеприпасы”.¹³ Официально военным поставщиком была Чехословакия, но через несколько месяцев Насер признал, что переговоры об этом соглашении на самом деле вел СССР.

Известие об этом договоре вызвало глубокую озабоченность в западных столицах. Военные поставки означали новую гонку вооружений на Ближнем Востоке и усиливали напряженность в этом районе — об этом предупреждали Гарольд Макмиллан и Джон Фостер Даллес. Но ставкой было нечто большее, чем сохранение регионального баланса: Советский Союз, преодолев сдерживающие стены Багдадского пакта, обратил поставки оружия в эффективный инструмент поворота региональной напряженности в свою пользу. Сентябрьское сообщение вызвало энтузиазм радикальных арабских националистов всего ближневосточного региона и открыло для третьего мира альтернативу военной зависимости от Запада.

Хрущев сформулировал новый подход к национально-освободительным движениям в третьем мире на XX съезде КПСС в 1956 г. Он говорил о возникновении на мировой арене группы миролюбивых государств Европы и Азии, провозгласивших неприсоединение к блокам принципом своей внешней политики. Неприсоединившиеся государства, совместно с социалистическими странами, образовали широкую зону мира Хрущев детально объяснил значение деколонизации для советской внешней политики:

„Происходящий распад колониальной системы империализма является всемирноисторическим событием послевоенного периода...

наступил предсказанный Лениным новый период мировой истории, когда народы Востока принимают активное участие в решении судеб всего мира, становятся новым мощным фактором международных отношений...

Теперь им не нужно идти за современным оборудованием на поклон к своим бывшим угнетателям. Такое оборудование они могут получить в странах социализма, не расплачиваясь за это никакими обязательствами политического или военного характера.

Сам факт существования Советского Союза и других стран социалистического лагеря, их готовность помочь слаборазвитым странам в их промышленном развитии на условиях равноправия и взаимной выгоды является серьезной преградой на пути колониальной политики".¹⁴

Аналогичные обязательства в поддержку национально-освободительных движений имеются в отчетном докладе ЦК на всех съездах КПСС после 1956 г., а также в многочисленных комментариях советских средств массовой информации и в научных работах советских авторов.

После соглашения о военных поставках Египту, Ближний Восток около двадцати лет оставался центром советских усилий по сотрудничеству с национально-освободительными движениями в третьем мире. Вслед за Египтом получили советское оружие Сирия и Йемен. Сирия заключила соглашение с Прагой в начале 1956 г. и в марте начались поставки оружия (через Египет, поскольку Сирия не обладала грузовыми портами, пригодными для получения вооружений). Аналогичное соглашение было заключено с Йеменом, куда стали доставлять оружие в октябре 1956 г. Чехословацкие и советские военные советники были направлены в Египет, Сирию и Йемен для инструктажа по обращению с советской военной техникой и обучению пилотов.

Дебют Москвы в роли поставщика оружия на Ближнем Востоке открыл новую эру в советской внешней политике; экспорт вооружений из Советского Союза и стран Восточной Европы после 1955 г. значительно увеличился. По утверждению Стокгольмского международного института мирных исследований,

„Направления советских военных поставок в страны третьего мира и размеры этих поставок, несомненно, указывают на перемены в политике СССР после 1955 г....

До этого времени военные поставки в страны третьего мира были незначительными и предназначались исключительно социалистическим странам, главным образом, Северной Корее. Крупное увеличение потока вооружений в неприсоединившиеся страны началось после 1955 г."¹⁵

В дополнение к продолжавшимся военным поставкам в Египет, Сирию и Йемен, советские вооружения впервые были поставлены в Афганистан в 1956 г., в Ирак и Индонезию в 1958 г., в Гвинею в 1959 г. В 1960-1964 гг. еще 11 государств получили советскую военную помощь.¹⁶ Данные о ее размерах варьируют, но общая сумма советских военных поставок неприсоединившимся странам в 1954-1964 гг. превысила 2,7 млрд. долларов. Крутость поворота советской внешней политики по отношению к странам третьего мира иллюстрируется тем, что около 80% советского военного экспорта в 1954-1964 гг. предназначалось некоммунистическим государствам, которые занимали ничтожно малое место в общей картине советских военных поставок до 1955 г.

При Хрущеве СССР начал утверждать свое влияние в региональных конфликтах за пределами традиционных границ российских военных интересов. По контрасту со сталинской эрой, в большинстве случаев СССР принимал сторону некоммунистических режимов. Однако масштабы советского участия в конфликтах стран третьего мира в рассматриваемый период оставались весьма умеренными, в особенности если учитывать только советское оружие, в действительности используемое в боевых действиях. Так, советские военные поставки арабским странам послужили одной из причин напряженности перед Суэцкой войной (октябрь—ноябрь 1956 г.), однако вооружения, полученные по этим поставкам, не использовались в ходе войны. Точно так же танки и тяжелая артиллерия, полученные от СССР йеменским имамом Ахмедом, оставались без употребления во время пограничных столкновений между Йеменом и Аденем в

1957-1959 гг. Советское военное участие в кризисе в Конго ограничилось, в основном, поставкой 15 транспортных самолетов (из них 5 летали под флагом ООН), а также поставками стрелкового оружия. Москва доставила 300 танков и несколько МИГов Алжиру во время его короткой пограничной войны с Марокко в 1963 г., однако конфликт был закончен слишком быстро для того, чтобы эти вооружения сыграли в нем существенную роль.

Самую значительную советскую военную помощь из всех стран третьего мира, участвовавших в конфликтах, получила Индонезия. Туда в 1958-1965 гг. было направлено вооружений более чем на 1 млрд. долларов. Это вооружение предназначалось для поддержки Сукарно в трех конфликтах: в восстании на Суматре (1958-1960 гг.), в борьбе против голландского присутствия в Западном Ириане (Новая Гвинея) (1961-1962 гг.) и в кампании, получившей название „Громи Малайзию” (1963-1965 гг.). При значительности советского вклада большая часть советских вооружений не использовалась в военных действиях. Восстание на Суматре — наиболее серьезный из трех конфликтов — было подавлено, главным образом, оружием, которым Сукарно уже обладал к тому времени, а военное вмешательство Индонезии в остальные два конфликта выразилось в нескольких операциях небольших десантных отрядов.

В 1960-1961 гг. Советский Союз принял участие в конфликтах в Конго и в Лаосе. Размеры советской военной помощи в обоих случаях были умеренными, однако дипломатическое значение этих событий было достаточно велико. Участие в конфликте в Конго началось летом 1960 г., когда Москва предложила поддержку правительству Патриса Лумумбы в Леопольдвиле для подавления сепаратистского движения в Катанге. Советское участие началось под эгидой ООН по оказанию помощи Лумумбе, однако превратилось в одностороннее после того как премьер-министр Конго высказал неудовлетворенность помощью ООН. Советское участие в этом кризисе рекламировалось, хотя на самом деле советская помощь ограничивалась, главным образом, поставкой грузовиков, стрелкового оружия, а также предоставлением транспортных самолетов. В разгар кризиса Лумумба, в результате переворота, был свергнут и его

преемник немедленно выслал советских представителей из Конго. Несмотря на неудачу, кризис в Конго дал Москве возможность впервые продемонстрировать свои силы в субсахарском конфликте, преподав африканским националистам запоминающийся урок.

Советское участие в гражданской войне в Лаосе в 1960-1961 гг. тоже было весьма умеренным — военная помощь объединенному фронту, образованному Суванной Фумой и Патет Лао, ограничилась поставкой стрелкового оружия на несколько миллионов долларов, однако это была, возможно, наиболее успешная в политическом отношении попытка военной помощи, предпринятая при Хрущеве. Советский воздушный мост (включивший самолеты, переправленные из Конго) позволил объединенному фронту разгромить поддерживаемые Соединенными Штатами силы генерала Фуми Носавана и добиться контроля над 80% территории страны к маю 1961 г. за несколько месяцев действия воздушного моста. Политические последствия этих событий оказались чрезвычайно выгодными для Москвы. Соединенные Штаты прекратили помощь Фуми Носавану, что вынудило его согласиться на создание коалиционного правительства. Впоследствии женевский договор, подписанный в июле 1962 г., гарантировал нейтралитет Лаоса.

Значительно более крупные поставки оружия странам третьего мира Советский Союз сделал в следующем году, когда в результате военного переворота в Йемене был свергнут имам Ахмед.

Ускорив военные поставки Египту, Москва, по существу, поощрила Насера вмешаться в гражданскую войну между новым республиканским правительством Йемена и племенными вождями — сторонниками имама. Однако пока у власти оставался Хрущев, советское участие в этом конфликте было косвенным, и вся военная помощь республиканским силам осуществлялась через Каир.

Кубинский ракетный кризис, берлинский кризис и ряд менее значительных войн и кризисов, усилили напряженность между США и СССР и создавали впечатление, что мир переживает исключительно опасный период. Эксцентричная угрожающая манера поведения Хрущева усиливала это впечатление,

и Запад (также, как и Восток) испытал некоторое облегчение, когда Хрущев был свергнут коллективом довольно уныло выглядевших аппаратчиков. Однако оказалось, что советская военная активность в странах третьего мира при Хрущеве была гораздо меньшей по масштабам и имела гораздо более умеренные формы, чем в последовавшие годы. При Хрущеве СССР еще не обладал достаточными военными возможностями, включая выгодный баланс стратегических ядерных вооружений, для внушительной демонстрации своей мощи за рубежами страны. Советское руководство, очевидно, осознало необходимость изменения этого положения для приобретения Москвой международного влияния, сравнимого с тем, которым пользуется Вашингтон.

Томас Вольф относит начало советских усилий по приобретению „глобальной военно-политической маневренности” к началу 1960-х годов:

„Лишь постепенно, к концу десятилетнего правления Хрущева, стала ясна необходимость в более подвижных и гибких силах как для утверждения советского присутствия в отдаленных районах политического соперничества, так и для возможного использования в локальных конфликтах, в которых было бы целесообразно применять угрозу немедленного ядерного истребления”.¹⁸

Новая политика начала приносить заметные плоды лишь к концу десятилетия. Однако развертывание советских межконтинентальных ядерных ракет значительно ускорилось после кубинского ракетного кризиса. Ко времени отстранения Хрущева от власти численность советских межконтинентальных баллистических ракет почти в три раза превышала этот показатель 1962 г. (200 по сравнению с 75).

III ПЕРИОД: Зарождение советской глобальной доктрины (1965-1972 гг.)

Приход к власти Брежнева и Косыгина в октябре 1964 г., похоже, ознаменовал начало третьей фазы советского военного участия в конфликтах третьего мира. На XXIII съезде КПСС в марте 1966 г. Брежнев выступил с необычайно резким и пространственным заявлением, подтверждавшим советскую поддержку в национально-освободительных войнах. Радикальность „реалистической политики” нового руководства проявилась в готовности оказывать материальную помощь даже военным правительствам и консервативным режимам третьего мира, если это шло на пользу интересам СССР. В 1965-1972 гг. советский экспорт оружия в страны третьего мира составил приблизительно 6,5 млрд. долларов; еще семь стран стали получать оружие из Советского Союза: Пакистан, Иран, Южный Йемен, Эфиопия, Нигерия, Кипр и Уганда. Небольшие пожертвования получили также Мавритания и Народная республика Конго.¹⁹ Новые советские лидеры доказали свою большую по сравнению с Хрущевым смелость в использовании военных сил и помощи для приобретения политического влияния в третьем мире. Масштабы советского военного участия в локальных конфликтах на протяжении третьего периода значительно увеличились по сравнению со вторым периодом.

В 1965-1972 гг. Советский Союз развил и расширил свои программы военной помощи, усовершенствовал возможности морских и воздушных доставок и добился прогресса в размерах и качестве своих ударных сил. Советский флот увеличился и расширил географически свои рутинные операции. Хотя в возможностях демонстрации силы СССР все еще значительно отставал от Соединенных Штатов, достигнутые им успехи сделали советское присутствие во время конфликтов в географически отдаленных районах гораздо более ощутимым. Поскольку значительная часть вновь созданных сил не имела существенного значения для обороны страны, напрашивается вывод, что они были созданы для усиления влияния Кремля на события в отдаленных районах мира. В это же время Советский Союз добился существенного изменения ядерного баланса с США,

увеличив свой арсенал межконтинентальных баллистических ракет с 270 пусковых установок в 1965 г. до более чем 1500 в 1972 г.; численность советских баллистических ракет на подводных лодках возросла со 120 до 560. Достижение эффективного ядерного паритета, без сомнения, укрепило уверенность советского руководства и создало Советскому Союзу репутацию сверхдержавы, стоящей на одном уровне с Соединенными Штатами. Это снизило рискованность советского вмешательства в локальные конфликты, поскольку Соединенные Штаты, утратив решающее ядерное превосходство, вряд ли стали бы принимать массированные карательные меры.

После визита председателя Совета министров СССР Косыгина в Ханой в феврале 1965 г. значительно увеличилась военная помощь СССР Северному Вьетнаму. И Москва, и Пекин снабжали Северный Вьетнам оружием и до 1965 г., но после того, как Соединенные Штаты при президенте Джонсоне стали значительно увеличивать свои наземные военные силы во Вьетнаме, советская помощь Северному Вьетнаму резко возросла. Вступление Соединенных Штатов в войну крупного масштаба превратило Индокитай в главную арену соперничества сверхдержав и интенсифицировало китайско-советское соперничество за влияние в Ханое. Неспособность безотказно снабжать Северный Вьетнам оружием сделала бы СССР уязвимым для обвинений со стороны Китая в нежелании поддерживать национально-освободительные движения и могла бы подорвать советский престиж среди коммунистических партий во всем мире. На самом деле, соперничество с Пекином, возможно, было гораздо более важным для СССР фактором для вступления в этот конфликт в роли поставщика оружия, чем соперничество с Вашингтоном, но в то же время эта война предоставила блестящую возможность вынудить Соединенные Штаты сконцентрировать свои силы на Вьетнаме и пойти на грандиозные финансовые, политические и моральные издержки для защиты страны второстепенного стратегического значения.

С 1965 г. и до подписания Парижского мирного соглашения в 1972 г., Советский Союз доставил в Северный Вьетнам оружия более чем на 3 млрд. долларов. Это была крупнейшая советская операция и при том одна из наиболее успешных по

исходу локального конфликта. Ханой получал оружие и от Китая, однако подавляющая доля военного снаряжения была получена из Советского Союза. По американским разведывательным данным, на протяжении, по крайней мере, 1971 г., Северный Вьетнам, несмотря на американские воздушные бомбардировки, ни разу не испытал недостатка в оружии, боеприпасах, транспортных средствах или других видах военного снаряжения.²⁰ Маловероятно, чтобы без советской военной помощи Северный Вьетнам в союзе с партизанскими силами Южного Вьетнама смог одержать победу в войне.

Несмотря на огромные размеры помощи Вьетнаму в 1965-1972 гг., советское руководство в тот период не затруднялось в предоставлении в больших масштабах вооружений арабским государствам и не прекращало военное вмешательство в другие страны третьего мира.

Египет, накапливавший советские вооружения более десятилетия после Суэцкой войны, потерял большую их часть в шестидневной войне с Израилем в июне 1967 г. Из-за молниеносности этого конфликта СССР не смог наладить воздушный мост для доставки вооружений арабским странам; дополнительные поставки для возмещения Египту его потерь достигли пункта назначения уже после прекращения огня. В этих обстоятельствах Кремль вынужден был ограничиться грозной, но бессильной риторикой. Разгром Египта стал для СССР катастрофой; советское влияние в Каире было подорвано, поскольку Москва не смогла в качестве основного союзника арабов вернуть вспять ход событий и вернуть утраченные арабские территории, несмотря на шестилетние усилия. Однако в кратковременной перспективе это поражение стимулировало резкое расширение советского присутствия на Ближнем Востоке. По замечанию Алвина З. Рубинштейна, „поражение видоизменило советско-египетские отношения. Интенсивный поток советской помощи после июньской войны восстановил военный потенциал Египта и оживил взаимоотношения между этими странами на всех уровнях”.²¹ Советские поставки оружия в огромных масштабах и военные советники, хлынувшие в Египет после конфликта, во много раз превосходили любое другое проникновение советских сил за пределы Евразийского материка; стои-

мость вооружений, поставленных СССР Египту в 1967-1973 гг., превышала 4,5 млрд. долларов.

Когда Насер после шестидневной войны вывел свои войска из Йемена, СССР мгновенно заполнил образовавшийся вакуум, взяв на себя роль главного поставщика оружия и опоры республиканского режима Саны, организовал быструю доставку по воздуху и морем МИГов и танков, подоспевших вовремя, чтобы спасти столицу Йемена от семидесятидневной блокады роялистских сил. Истинное значение этого конфликта умалется вследствие его малой известности, но гражданская война в Йемене была первым случаем, когда советские силы спасли от неминуемого военного разгрома некоммунистический режим. Эта война была также первым в послевоенный период подтвержденным примером участия советских пилотов в боевых действиях в конфликте в третьем мире.

Брежнев и Косыгин проявили политический прагматизм во время гражданской войны в Нигерии (1967-1970 гг.), когда Москва поддержала Федеральное Военное правительство против сепаратистов в Биафре. Эта война продемонстрировала несколько аспектов отхода советского руководства от практики прошлого — Советский Союз оказал помощь консервативному военному правительству, к тому же, члену Британского содружества и получателю солидной военной помощи от Великобритании в войне против, по общему признанию, прогрессивного националистического режима, выступавшего за самоопределение. До войны Нигерия получала оружие от двадцати стран, включая Чехословакию, но не от СССР. Однако лишь Великобритания и Советский Союз проявили готовность снабжать Нигерию оружием во время гражданской войны. Советские поставки начались в августе 1967 г. и продолжались с интервалами весь период войны. Помимо стрелкового оружия и транспортных средств, СССР поставил Нигерии тяжелую артиллерию, истребители МИГ-17 и бомбардировщики ИЛ-28. Это была первая крупная операция СССР по экспорту оружия в район Сахары в Африке, и, хотя Лагос, без сомнения, выиграл бы эту войну и без советского оружия, готовность Кремля оказать помощь Федеральному военному правительству Нигерии произвела положительное впечатление в черной Африке, укрепила советские связи с державшейся прежде отчужденно Нигерией и подтолкнула Лагос к политике неприсоединения, которой он придерживается до нынешнего времени.

Советское вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. на какое-то время испортило отношения СССР с Западом и с некоторыми странами третьего мира. До этого вторжения Запад, в основном, придерживался мнения, что новое советское руководство уже миновало этап использования грубой силы по отношению к странам Восточной Европы; оккупация Чехословакии вынудила Запад пересмотреть свою точку зрения на цели и задачи советской внешней политики и замедлила и без того терявшую темпы разрядку между Востоком и Западом. Чехословакия не принадлежит к третьему миру, и потому ее оккупация выходит за рамки данного исследования, однако в военном отношении можно и здесь проследить тактику, аналогичную позже использованной Москвой в Афганистане: элемент внезапности, воздушный десант для захвата и укрепления ключевых позиций; фальсификация „просьбы о помощи” и создание (в случае с Афганистаном — развитие) постфактум доктрины, оправдывающей интервенцию как необходимое проявление „социалистической солидарности”. Так называемая доктрина Брежнева, утверждающая необратимость коммунистических революций и ограниченный суверенитет социалистических государств, была сформулирована для оправдания вторжения в Чехословакию, однако ее потенциальное значение для третьего мира стало очевидным позднее в 1970-е годы, когда в нескольких странах Азии и Африки укрепились у власти коммунистические и левые революционные режимы. В соответствии с утвердившимися дипломатическими стандартами престижа и репутации, СССР должен будет оказать поддержку этим режимам, если они окажутся под угрозой.

Так называемая война на истощение на Ближнем Востоке (1969-1970 гг.) дала беспрецедентный в послевоенный период пример прямого участия советских военнослужащих в боевых действиях: советские пилоты делали боевые вылеты, советские военные советники на всех уровнях планировали и тыловые операции, советские специалисты обслуживали противоздушные ракетные установки и вели ракетный огонь по израильской авиации. Несмотря на столь экстраординарные усилия, продолжались и были эффективными израильские воздушные налеты на Египет, и Москва попадала из-за этого впросак больше, чем арабы. К середине лета 1970 г. конфликт зашел в тупик, что

означало, по существу, тактическое поражение Египта. Стало заметно, что даже Насер начал понимать ограниченность возможности советской помощи для победы над Израилем. Со вступлением Садата на пост президента Египта после смерти Насера в сентябре 1970 г., появились признаки постепенного высвобождения Египта из-под влияния Москвы.

Растущую напряженность советско-египетских отношений временно заслонило подписание в августе 1971 г. советско-египетского договора о дружбе и сотрудничестве и хлынувший вслед за этим в Египет массовый поток советских военных специалистов. К 1972 г. в Египте находились примерно 20 тыс. военных советников из СССР, Советский Союз имел исключительное право пользования пятью египетскими морскими портами и восемью аэродромами, шесть из них находились под полным советским контролем. В июле 1972 г. Садат поразил мир, объявив о национализации построенных СССР в Египте военных объектов и высылке из Египта советских военных советников (некоторые гражданские советники остались в стране). Хотя в 1973 г. Москва на короткое время улучшила свои отношения с Каиром, приказ Садата о высылке советских специалистов в июле 1972 г. оказался предвестием полного краха советских позиций в Египте после октябрьской войны 1973 г.

Последний конфликт, в котором Советский Союз участвовал на протяжении третьего периода, была индо-пакистанская война 1971 г. Бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер охарактеризовал этот конфликт как „неприкрытое применение силы партнером СССР, поддержанным советским оружием и советскими заверениями”.²² В течение нескольких месяцев, пока политический кризис в Восточном Пакистане углублялся и вероятность индо-пакистанского конфликта возрастала, создавалось впечатление, что Советский Союз действует осторожно и что в случае взрыва он сможет сыграть роль посредника, как во время краткой индо-пакистанской войны 1966 г. Советские средства массовой информации осудили репрессии Пакистана по отношению к бенгальцам в Восточном Пакистане, но в то же время призывали к мирному урегулированию этой проблемы.

9 августа СССР и Индия подписали договор о дружбе и сотрудничестве. Хотя подготовка этого началась до кризиса в Восточном Пакистане, его подписание ускорило развитие конфликта. Индия сочла, что имеет достаточные гарантии невмешательства и Китая и США. Советское оружие поступало в Индию в течение всего года и объем этих поставок резко возрос в ноябре, после ввода в действие воздушного моста из СССР и прибытия советских грузовых судов, доставивших около 5 тыс. т. военного снаряжения. Независимо от того, хотело ли, в действительности, советское руководство индийского вторжения в Восточный Пакистан, его неспособность ограничить действия Индии в контексте поставок оружия, безусловно, стала важнейшей причиной дальнейшего хода событий. В начале декабря Индия вторглась в Восточный Пакистан, что погрузило индийский субконтинент в четырнадцатидневную войну. Неизвестно, поступали ли в Индию во время боевых действий новые партии советского оружия, однако Москва открыто поддерживала Индию публичными заявлениями, энергичными дипломатическими акциями и в рамках ООН, и перед США. Результат этого конфликта следует считать успехом СССР. Война расчленила Пакистан, союзника не только Соединенных Штатов, но и КНР, и укрепила связи Советского Союза с Индией.

Совершенно очевидно, что в 1965-1972 гг. масштабы советского военного и дипломатического участия в конфликтах третьего мира значительно возросли. СССР оказывал существенную военную помощь Северному Вьетнаму и Египту, усилил свое участие в гражданской войне в Йемене, военными поставками и дипломатией добился значительных политических успехов в Нигерии и Южной Азии. Кремль использовал советское оружие, советников, а в некоторых случаях даже военнослужащих, гораздо интенсивнее, чем когда бы то ни было, для расширения влияния в третьем мире. Однако массовое уничтожение советских вооружений в шестидневной войне, тактическая победа в Израиле в войне на истощение 1970 г. и изгнание Садатом советских советников в 1972 г. затруднило укрепление позиций СССР на Ближнем Востоке. Невелики были успехи Москвы в Индокитае. Парadoxально, что до 1972 г. Советскому Союзу не удалось добиться ощутимых результатов как раз в тех регио-

нах, где были сделаны наибольшие усилия. Возможно, частично это объясняется тем, что Ближний Восток и Индокитай это районы, в которых Соединенные Штаты наиболее энергично оказывали поддержку прозападным режимам и боролись с советским влиянием.

IV ПЕРИОД: Достижение глобальной мощи (1973-1980 гг.)

С начала 1970-х годов и Советский Союз, и Соединенные Штаты стали искать эффективные пути улучшения отношений. Хотя эта разрядка была не первой в послевоенный период, она рекламировалась с особым энтузиазмом и лидеры обеих держав стремились к разрядке. Благодаря этому, было достигнуто несколько соглашений между Востоком и Западом, в частности, четырехстороннее соглашение о Берлине.

Советско-американская встреча на высшем уровне в Москве завершила усилия по достижению исторического соглашения об ограничении стратегических вооружений, тогда же было заключено несколько двусторонних соглашений о торговле и сотрудничестве; Брежнев нанес ответный визит в Соединенные Штаты; в Париже было подписано мирное соглашение, временно остановившее военные действия во Вьетнаме.

Это был эффективный период, но его достижения оказались кратковременными. Соединенные Штаты проводили политику разрядки, отчасти в надежде на сдерживание советской военной активности в мире и установление определенных норм приемлемого поведения на международной арене. Вместо этого, 1970-е годы ознаменовались беспрецедентным по масштабам вмешательством СССР в конфликты третьего мира, начиная с йом-кипурской войны и кончая вторжением в Афганистан. В результате в США стало расти разочарование в разрядке и политическом курсе, который она олицетворяла.

Арабо-израильская йом-кипурская война 1973 г. положила начало этому разочарованию. Ее можно отнести уже к четвертой фазе советского участия в конфликтах третьего мира. Хотя и до октября 1973 г. СССР играл ведущую роль в ряде арабо-израильских конфликтов, это участие никогда прежде не бы-

ло столь прямым и интенсивным во время боевых действий. Тогда „впервые Советский Союз осуществил массовые и непрерывные поставки вооружения некоммунистическому клиенту в ходе боевых действий”.²³ Было совершено свыше тысячи грузовых авиарейсов и отправлено 30 советских грузовых судов, так что арабы в ходе этого конфликта получили примерно 100 тыс. т вооружений. Эти советские поставки значительно превышали все предшествовавшие в третий мир; нет исторических параллелей и степени вовлеченности в эту войну советских военных советников и военного персонала. Советские военные советники вели танки от Латакии до Дамаска, управляли радарным оборудованием, ремонтировали орудия, поврежденные в боях, руководили противовоздушной обороной сирийских портов. Известно, что советские специалисты сопровождали сирийские наземные войска повсюду, за исключением фронта боевых действий; при этом, по крайней мере, по одному военному советнику из СССР было прикомандировано к каждому сирийскому командному посту, начиная от командира батальона и выше; семь советских воздушных дивизий находились в состоянии боевой готовности большую часть войны; численность советского военно-морского флота в Средиземном море была увеличена до 90 судов, включая несколько десантных судов. СССР никогда не предпринимал подобных действий в прошлом. Более того, после прекращения огня кубинская бронетанковая бригада была размещена по линии сирийского фронта. Она не принимала участия в боевых действиях, но размещение этой бригады можно рассматривать как предзнаменование аналогичных действий в будущих конфликтах в третьем мире.

Линия советской дипломатии в Октябрьской войне была такой же, как в предшествующих ближневосточных конфликтах. Кремль действовал осторожно, сдерживая арабов, а в последнюю минуту выдвинул угрозу прямого вмешательства в конфликт. Однако эта аналогия не должна заслонять неизмеримо возросших масштабов советского участия в этом конфликте третьего мира. Еще важнее, что эта война подтвердила обретенный СССР статус глобальной силы, так как Москва снабжала арабов оружием, сознавая, что это вызовет энергичные ответные меры со стороны США и не исключая риска конфронтации. Кроме

того, боевые действия были прекращены в значительной мере в результате прямых американско-советских переговоров в Москве.

Хотя Москва сумела, вопреки неблагоприятному развитию событий извлечь из йом-кипурской войны военное равновесие, она поплатилась почти полной утратой своего влияния в Египте вскоре после завершения войны. Достигнув в результате октябрьской войны своих минимальных целей, Садат понял, что Египет не может позволить себе воевать снова и что Синай гораздо легче вернуть дипломатическим путем. Возобновление заинтересованности США в мирном урегулировании на Ближнем Востоке и давление на Вашингтон в результате картелизации мирового нефтяного рынка делало подобную дипломатическую альтернативу вполне реальной, что, в свою очередь, весьма ограничило выгоду, которую Садат мог извлечь из опоры на СССР. Кроме того, к концу войны возросло его недоверие к СССР. В 1974-1975 гг. связи СССР с Египтом ослабели, а американско-египетские отношения улучшились. Весной 1976 г. Садат внезапно отказался от договора о дружбе и сотрудничестве с СССР, заключенного в 1971 г., и лишил Советский Союз доступа к египетским портам, по существу положив конец двадцатилетнему интенсивному сотрудничеству между Каиром и Москвой. К середине 1970-х годов СССР лишился своей прежней роли на Ближнем Востоке. Но в Индокитае советские позиции значительно улучшились в связи с ослаблением режима Тхиеу в Сайгоне. С начала 1974 г. и до середины лета силы Вьет Конга и Северного Вьетнама предпринимали осторожные наступательные операции на юге, атакуя, главным образом, особо слабые объекты. Неожиданный успех этих атак и отсутствие каких-либо значительных сдерживающих действий со стороны США поощрило Ханой к расширению наступления. Через 1,5 года после октябрьской войны и через 2,5 года после подписания Парижских соглашений Сайгон пал. Регулярные дивизии армии Северного Вьетнама, вооруженные советским оружием, 30 апреля 1975 г. вошли в Сайгон. Ханой достиг цели, которой добивался в течение долгого времени — получил политический контроль над Югом.

Падение Сайгона — водораздел послевоенной истории. Поражение Вашингтона в Индокитае разрушило представление

в Америке и в остальном мире о непобедимости Соединенных Штатов и продемонстрировало, что военный союз с США не является абсолютной гарантией безопасности для стран третьего мира. Соединенные Штаты вступили в тяжелый период нео-изоляционизма и самоуничтожения в своей внешней политике, а советское руководство получило необходимый заряд уверенности в себе. Главный урок, полученный Кремлем в этой войне, заключался не в осознании ограниченных возможностей военной силы, а в подтверждении ее роли для достижения политических успехов. Падение Южного Вьетнама было началом необычайно успешного стратегического наступления СССР в третьем мире. С апреля 1975 до января 1979 г. там произошло не менее семи успешных вооруженных захватов власти или территорий просоветскими коммунистическими или леворадикальными партиями. Просоветские революционные режимы пришли к власти в результате военных конфликтов или переворотов в Южном Вьетнаме, Лаосе, Анголе, Эфиопии, Афганистане, Южном Йемене и Кампучии. Советское оружие сыграло свою роль в большинстве этих случаев.

Эта серия военных побед союзников СССР в третьем мире изменила отношение советского руководства к национально-освободительным движениям и отчасти была результатом этого изменения. К концу 1960-х годов кремлевское руководство уже осознавало, что национальная буржуазия стран третьего мира не является надежным союзником в утверждении советских интересов за пределами СССР. В 1968 г. профессор Р. Ульяновский писал в „Правде“:

„В период борьбы против колониальных режимов национальная буржуазия часто шла во главе ее. На современном этапе национально-освободительной борьбы она уже во многих странах проявляет свою неспособность дальше выполнять эту роль. Это, конечно, не значит, что она повсеместно перестала участвовать в антиимпериалистической борьбе...

Историческая тенденция в национально-освободительном движении заключается в постоянном и все большем возрастании рабочего класса... В ряде стран этот поло-

жительный процесс продвинулся вперед, образуется блок левых сил с активной ролью рабочего класса".²⁴

Такие утверждения неоднократно в советских источниках в конце 1960-х годов и в 1970-е годы.²⁵ Это отражало не столько новый идеологический нюанс, сколько действительное изменение советской стратегии, выразившееся в сокращении поддержки буржуазных националистических лидеров в расчете на марксистские партии и другие левые революционные группы в третьем мире.

Дональд Загория считает, что эти перемены в подходе СССР к третьему миру были обусловлены поражениями, понесенными СССР в связи с поддержкой режимов, возглавляемых национальной буржуазией:

„Осознав ошибочность тесного сотрудничества с ненадежными „буржуазно-национальными“ лидерами в 1950-х и 1960-х годах, советское руководство взяло на вооружение новую стратегию в 1970-х и 1980-х годах. В некоторых случаях, как, например, в Ираке, Сирии и Алжире, оно продолжает поддерживать некоммунистические режимы „социалистических“ окрасок того или иного свойства. Но сейчас, когда все больше ортодоксальных марксистско-ленинских групп возникает в различных частях Азии и Африки, новым элементом советской стратегии стала помощь коммунистическим партиям в их борьбе за власть в своих странах”.²⁶

Урок, преподанный Советскому Союзу в Египте, быть может, стал наиболее важным стимулом пересмотра стратегии. Советские неудачи в Судане, Гане, Индонезии, Алжире и Конго тоже, без сомнения, сыграли свою роль.

Однако изменения в советской политике следует рассматривать, главным образом, как тактические. Они не означают, что в будущем Москва сконцентрирует все усилия на поддержке радикальных, идеологических движений и режимов. Советское руководство осознало, что, по словам советского комментатора, „борьбу с империализмом ведут различные социальные си-

лы — радикальные, умеренные и даже консервативные режимы” (Обратный перевод с англ., — Ред.).²⁷ Подход СССР к третьему миру во второй половине 1970-х годов остался весьма оппортунистическим, хотя советское руководство не забывало, что идеологическое рвение и организационная дисциплина радикальных клиентов делают их наиболее надежными союзниками.

После 1972 г. значительно расширились советские программы военной помощи странам третьего мира. Отнюдь не все режимы, которым предназначалась эта помощь, были марксистско-ленинскими. Согласно официальному американскому источнику, стоимость советских вооружений, экспортированных в страны третьего мира в 1973-1977 гг., составила примерно 16,5 млрд. долларов. Другой американский источник оценивает стоимость советского военного экспорта в 1974-1978 гг. в 14,8 млрд. долларов. По этому источнику, Советский Союз экспортировал больше боевых истребителей, бомбардировщиков, танков, зенитных и артиллерийских орудий, чем Соединенные Штаты за этот же период — военные поставки СССР во всем мире примерно на 10% превысили американские, но СССР предоставлял своим союзникам гораздо меньше услуг по обслуживанию техники и обучению военного персонала, чем Соединенные Штаты. Стокгольмский международный институт мирных исследований в публикации 1982 г. также утверждает, что Советский Союз обогнал Соединенные Штаты и стал крупнейшим мировым экспортером оружия.²⁸

Падение Южного Вьетнама в 1975 г. и болезненная переоценка национальных интересов, переживавшаяся Соединенными Штатами, создали международный климат, в котором стало возможным советско-кубинское вмешательство в гражданскую войну в Анголе. Важность ангольской гражданской войны 1975-1976 гг. выходит далеко за пределы относительно умеренного стратегического значения этой западноафриканской страны. Это был первый (и до настоящего времени единственный) исторический пример действительно массивного советского военного вмешательства в конфликт в Южной Сахаре; более того, Ангола лежит абсолютно за пределами традиционной зоны советских или российских интересов. Кроме того, в Анголе впервые для поддержки режима — клиента СССР — были использованы кубинские войска.

Гражданская война в Анголе велась между тремя соперничающими национально-освободительными движениями. Советский Союз поддерживал наиболее урбанистическое по духу и лучше других организованное марксистское движение МПЛА, с которым у СССР существовали многолетние связи. Советские поставки оружия МПЛА начались в августе 1974 г., однако до ноября 1975 г., когда Ангола формально получила независимость от Португалии, эти поставки не носили массового характера. К концу конфликта Москва поставила МПЛА вооружений более чем на 300 млн. долларов, включая несколько сотен танков и бронетранспортеров. Однако гораздо большее значение, чем поставки оружия, имело размещение в Анголе кубинских экспедиционных сил, численность которых всего за несколько месяцев, к февралю 1976 г., достигла 20 тыс. человек.

Кубинское участие в конфликте в Анголе началось несколько спорадически, но оказалось неожиданно эффективным, вероятно, благодаря тесной координации с Москвой, а также советским военным поставкам, резервной и транспортной поддержке и интенсивному финансированию. Результатом советско-кубинского вмешательства в гражданскую войну стала полная победа МПЛА во всей Анголе, за исключением сельских районов юга страны. Это было позорным дипломатическим фиаско Соединенных Штатов, чья программа тайной поддержки движений, соперничающих с МПЛА, была урезана Конгрессом.

До гражданской войны в Анголе слабым местом в советском стремлении повлиять на исход конфликтов в третьем мире было нежелание Кремля допустить прямое участие советских воинских соединений в военных действиях. Советники не в состоянии заменить обученных солдат, а армии большинства стран третьего мира не способны эффективно использовать современное оружие. Использование кубинских военнослужащих в Анголе и последовавший за этим триумф МПЛА открыл советскому руководству новый способ утверждения советского влияния в конфликтах в отдаленных районах — при условии, конечно, сотрудничества Кастро. Этот же прием кремлевское руководство с успехом использовало два года спустя — в ходе огаденской войны.

Война между Эфиопией и Сомали из-за Огадена в 1977-

1978 гг. была значительнее, чем конфликт в Анголе. Война началась наступлением Сомали летом 1977 г. Советский Союз сначала пытался поддерживать тесные связи и с Сомали (на протяжении многих лет эта страна была близким союзником СССР), и с левым радикальным режимом подполковника Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии. По-видимому, в начале конфликта советское оружие получали обе враждующие стороны. После высылки советских военных советников из Сомали в ноябре 1977 г. Советский Союз начал массированные воздушные поставки вооружений в Эфиопию. Стоимость этих поставок достигла приблизительно 1 млрд. долларов. Как и в Анголе, кубинские воинские соединения, в значительной части переброшенные на советских самолетах, сыграли решающую роль в ходе войны. Москва и Гавана координировали свои действия настолько четко, что нередко прибывшие кубинские части немедленно получали советское оборудование и тут же отправлялись на фронт военных действий. Численность кубинских военнослужащих, участвовавших в огаденской войне, была несколько меньше, чем в Анголе, однако объем военных поставок был почти в 3 раза больше и советские военные специалисты гораздо активнее участвовали в военных действиях в Эфиопии, чем в Анголе. По крайней мере, два советских офицера высокого ранга вылетели в Эфиопию для наблюдения за военными операциями, в результате чего Кремль получил необычайно высокую степень прямого контроля над ходом военных действий.

Соединенные Штаты не предпринимали серьезных попыток сопротивления или предотвращения советско-кубинского вмешательства, и война в Огадене не принесла серьезных международных осложнений. Это был первый случай в послевоенной истории, когда крупная советская военная операция за пределами Восточной Европы не вызвала ответного военного вмешательства со стороны другой крупной державы. Потеря Сомали в качестве союзника означала утрату крупнейшей советской военной базы за пределами Варшавского пакта, однако общий итог огаденской войны оказался весьма положительным для Советского Союза. Население Эфиопии в 10 раз превышает население Сомали, она гораздо богаче полезными ископаемыми и обладает гораздо большим влиянием в Африке. Хотя участие СССР в

войне на время осложнило его отношения с Лигой арабских государств, поддерживавшей Сомали, в итоге этого конфликта Эфиопия превратилась в надежного союзника Советского Союза. Это обеспечило Москве новый источник влияния в районе Красного моря и, таким образом, частично компенсировало утраченное несколькими годами ранее тесное сотрудничество с Каиром.

В течение 18 месяцев после победы Эфиопии в огаденской войне Советский Союз участвовал в трех конфликтах в третьем мире: в военной оккупации Кампучии Вьетнамом; в последовавшем из-за этого кратковременном вьетнамо-китайском конфликте и в нападении Южного Йемена на Йемен (столица Сана) осенью 1978 г. Первые два конфликта можно рассматривать как следствие ухода США из Вьетнама, усилившего соперничество СССР и КНР за влияние в Юго-Восточной Азии. Конфликт между двумя Йеменами имел причиной, по крайней мере отчасти, стремление советского руководства вернуться на ближневосточную арену, продемонстрировав свое влияние на события пусть и на периферии этого региона.

3 ноября 1978 г. было подписано соглашение о союзе между СССР и Вьетнамом. Это дало Ханю необходимую меру уверенности и, без сомнения, подтолкнуло Вьетнам на широкую военную операцию против прокитайского режима Пол Пота в конфликте, который помощник президента США по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский назвал „первым примером войны между Советским Союзом и Китаем посредством других государств”.²⁹ Неясно, поставил ли СССР оружие Вьетнаму во время боевых действий — в конце концов Вьетнам и без того обладал достаточным запасом советского и американского трофейного оружия. Решающим фактором в этом конфликте стала советская дипломатическая поддержка Ханю. В декабре 1978 г. Соединенные Штаты признали КНР, что также, возможно, сыграло роль в решении Вьетнама оккупировать Кампучию. Это же признание, почти наверняка, повлияло на решение Пекина ответить на захват Ханюем Пномпеня карательной экспедицией на территорию Вьетнама, начавшейся 17 февраля 1979 г. СССР стал осуществлять воздушные поставки оружия Вьетнаму уже через пять дней после начала

военных действий Китая. Кроме того, Москва продемонстрировала поддержку Ханю усилением в этом районе своих военно-морских сил и дипломатическими предостережениями Китаю.

Трудно установить, насколько Кремль повлиял на решение Народной Демократической Республики Йемен атаковать Йемен в феврале 1979 г. Как сообщалось, около 1 тыс. военных советников из СССР находилось в Южном Йемене в то время и более 500 кубинских советников. Учитывая сильную зависимость Южного Йемена от советской экономической и военной помощи, трудно представить, чтобы аденский режим хотя бы не проконсультировался с Москвой, прежде чем предпринять эту атаку. Во всяком случае, Государственный департамент США выразил протест по поводу роли советских военных советников в этом конфликте. Война завершилась сравнительно быстро, отчасти благодаря посреднической роли Саудовской Аравии, а также вследствие энергичной поддержки Соединенными Штатами правительства Йемена в Санае.

В апреле 1978 г. в результате кровавого переворота в Афганистане было свергнуто правительство президента Мохамеда Дауда, и на смену ему пришел просоветский режим во главе с Нуром Мохамедом Тараки, лидером фракции Кхалк в Народной партии. Эти события повлекли за собой рост советского военного присутствия в Афганистане. Режим Тараки вызвал широкую оппозицию мусульманских племен в сельских районах страны, что погрузило Афганистан в ожесточенную гражданскую войну. С июня 1978 г. большие группы советских военных советников направлялись в Афганистан для помощи Тараки в борьбе с повстанцами. Советское присутствие постоянно увеличивалось, причем, как сообщалось, несколько советских военных специалистов погибло в результате покушений в первый год гражданской войны. В сентябре 1979 г., после того, как летом по всей стране было отмечено усиление оппозиции, в дворцовой перестрелке был убит Тараки, место которого занял Хафизулла Амин, занимавший при Тараки пост премьер-министра. Хотя Амин продолжал просоветский курс, по мнению Москвы, он был ресурсно независимым, а его репрессивные методы управления страной способствовали консолидации оппозиции. Ситуация усугублялась все более очевидным разложением афганской

правительственной армии и ее неспособностью защищать режим от все более грозного повстанческого движения.

24 декабря СССР переправил по воздуху в Афганистан крупные армейские соединения, а через несколько дней советские мотострелковые дивизии перешли советско-афганскую границу. Главной целью советского вторжения было установление в Афганистане более послушного режима.

Интервенция в Афганистан была первым случаем, когда Советский Союз осуществил прямое вторжение крупных соединений своих вооруженных сил на территорию страны третьего мира. Численность советских солдат, посланных в Афганистан, в 4-5 раз превысила численность кубинских военнослужащих, участвовавших в конфликтах в Анголе и в Эфиопии. Это вторжение можно рассматривать как апогей десятилетия, ознаменовавшегося активным военным присутствием СССР в странах третьего мира и, особенно, советской вовлеченности в его конфликты. Кажется невероятным, чтобы советское руководство решилось на столь радикальные и рискованные действия, если бы опыт всего предшествовавшего десятилетия не убедил его, что произошли изменения в мировом политическом и военном балансе. Растущая уверенность советского руководства ощущалась в его заявлениях о „мощном прогрессе”, достигнутом национально-освободительными движениями, о все более благоприятной „расстановке сил” и о „коренной перестройке в международных отношениях”.

Однако советский опыт в Афганистане наглядно продемонстрировал потенциальные трудности, которые ждут сверхдержав при вторжении в страну третьего мира.

Перевод Льва Вайнштейна

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Istvan Kende, "Local Wars in Asia, Africa and Latin America, 1945-1969", Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), in Armaments and Disarmaments in the Nuclear Age: A Handbook (Atlantic Highlands, N. J.: Humanities Press, 1976), 174-5.
- 2 В. И. Ленин, Соч., 4 изд., т. 31, стр. 124.
- 3 Там же, стр. 207-208.
- 4 Там же, стр. 216-217.
- 5 См. Harish Kapur, Soviet Russia and Asia, 1917-1927: A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan (Geneva: Michael Joseph, 1966).
- 6 Joseph E. Thach, Jr., „Soviet Military Assistance to Nationalist China 1923-1941,” Parts I and II, Military Review (August 1977): 72-82, and Military Review (September 1977): 49-56.
- 7 Raymond L. Garthoff, Soviet Military Policy: An Historical Analysis (New York: Praeger, 1966), 16.
- 8 Adam Ulam, Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy 1917-1973, 2nd ed. (New York: Praeger, 1974), 245.
- 9 Louis Fischer, Russia's Road from War to Peace: Soviet Foreign Relations 1917-1941 (New York: Harper & Row, 1969), 280.

- 10 Там же, pp. 280-282; Hugh Thomas, *The Spanish Civil War* (New York: Harper & Brothers, 1961), 635-636.
- 11 Правда, 6 и 9 октября, 1952 г.
- 12 Вскоре после второй мировой войны Сталин, по сообщениям, на встрече с группой китайских коммунистов заявил, что „восстание в Китае не имеет шансов на успех и что китайские товарищи должны урегулировать отношения с Чан Кайши”. Vladimir Dedijer, *Tito* (New York, Simon & Schuster, 1953, p. 322).
- 13 Oles Smolansky, *The Soviet Union and the Arab East under Khrushchev* (Lewisburg, Bucknell University Press, 1974), 30-31.
- 14 Правда, 15 февраля 1956 г.
- 15 SIPRI (Стокгольмский институт мирных исследований), *The Arms Trade with the Third World* (New York, Humanities Press, 1971), pp. 188-189.
- 16 SIPRI, *The Arms Trade Register* (Cambridge, M.I.T. Press, 1975).
- 17 SIPRI *Yearbook of Armaments and Disarmaments* (Cambridge: M.I.T. Press, 1976), 220.
- 18 Thomas W. Wolfe, "The Projection of Soviet Power," *Military Review* (February 1969): 64-65.
- 19 SIPRI, *The Arms Trade Registers*.
- 20 National Security Council memorandum No.1, опубликованный в *Congressional Record*, May 10, 1972.
- 21 Alvin Z. Rubinstein, *Red Star on the Nile: The Soviet-Egyptian Influence Relationship Since the June War* (Princeton University Press, 1977), xi.
- 22 Henry Kissinger, *White House Years* (Boston: Little Brown, 1979), 913.
- 23 Jon D. Glassman, *Arms for the Arabs* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1975), 131.
- 24 Правда, 3 января 1968 г.
- 25 См. A. Iskenderov, "The National Liberation Movement in Our Time", in *The Third World, Problems and Prospects: Current Stages of the National Liberation Struggle* (Moscow: Progress Publishers, 1970), 11-43; А. Кива, „Страны социалистической ориентации: некоторые особенности политического развития”, „Международная жизнь”, Сентябрь 1973 г., стр. 38-47.
- 26 Donald Zagoria, "Into the Breach: New Soviet Alliances in the Third World," *Foreign Affairs* 57 (Spring 1979): 738. См. также Francis Fukuyama, "A New Soviet Strategy", *Commentary*, 24 (October 1979): 52 ff.
- 27 А. Кива, указ. раб. стр. 38.
- 28 U.S. Arms Control and Disarmament Agency, *World Military Expenditures and Arms Transfers 1968-1977*, p. 155; Central Intelligence Agency, "Arms Flows to LDCs — U.S.-Soviet Comparisons, 1974-77" (Washington, D.C., 1978); *Frankfurter Rundschau*, March 8, 1982. См. также U.S. Department of State, "Conventional Arms Transfers in the Third World, 1972-81," *Special Report No. 102*.
- 29 Телеинтервью по каналу CBS, 8 января, 1978 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья Ференца Косега посвящена избирательной реформе и выборам в Венгрии, которые состоялись 8 июня 1985 г. и привлекли внимание специалистов, поскольку явились своего рода экспериментом избирательной реформы в странах советского типа.

Новый закон о выборах был принят в Венгрии 22 декабря 1983 г. Он состоит в следующем:

- 1) в обязательном порядке баллотируется несколько кандидатов;*
- 2) на местах создаются специальные комиссии для упрощения избирательного процесса;*
- 3) политические и государственные лидеры избираются в Государственное собрание по отдельному общегосударственному списку;*
- 4) только те кандидаты в Государственное собрание и в местные органы власти, которые получили как минимум треть голосов на предварительных собраниях, становятся кандидатами на выборах; чтобы стать депутатом, кандидат должен собрать голоса более 50% избирателей.*

Ференц Косег

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ВЫБОРЫ

Руководители польской и венгерской коммунистической партий (о, эти узы исторического братства!) давно уже пытаются подражать друг другу. Четыре года назад Ярузельский обещал — в первую очередь, конечно, себе, а не народу, — что в Польше будет воспроизведен кадаровский режим (подобный тому, который был до нынешнего кризиса). Но после появления Солидарности реальным политикам из Венгерской социалистической рабочей партии пришлось начать бег наперегонки со временем: они решили доказать, что те реформы, ради которых произошла мобилизация общественности в Польше, разумная власть может осуществить декретным путем. Помимо прочих начинаний, они решили реформировать систему выборов.

Эта декретная реформа не слишком опасна для режима, поскольку на ней настаивали сравнительно узкие интеллектуальные круги. В результате снижения жизненного уровня общественная неудовлетворенность, конечно, возросла, но это не привело к требованиям реформ и не вызвало даже определенно направленного общественного давления. Требование реформ диктовалось, таким образом, страхами одних и снобизмом других представителей режима. Варшавский путч положил конец навязчивым страхам, вызванным событиями в Польше. Разработка реформ продолжалась, таким образом, в результате инерции напуганного аппарата, а также из-за того, что в экономике продолжался застой. Сторонников реформ подталкивало еще и то, что лагерь противников реформ укреплался.